

НОМАДОЛОГИЯ

А. В. Головнёв

КОЧЕВНИКИ АРКТИКИ: ИСКУССТВО ДВИЖЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Номадизм — не тень прошлого, а культура настоящего и будущего, которая не отмирает, а лишь меняет свой облик. Поэтому правильное исследование кочевников не как увядающую традицию, а как школу движения, которая дает нам уроки мобильности и адаптивности. Раньше подобное исследование было затруднено не только потому, что номадизм ассоциировался с варварством, но и за отсутствием средств записи кочевания. Появление инструментов записи и анализа мобильности связано с визуально-виртуальной революцией. Авторский метод антропологии/этнографии движения, условно называемый КПД (карта–путь–действие), предполагает запись движения средствами картографии и GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением. Базовыми для исследования арктического номадизма стали чукотская, ненецкая и ижемско-саамская кочевые традиции в их вариациях на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове по полевым наблюдениям 2013–2018 гг. Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам. Из трех рассмотренных традиций оленеводства и номадизма самой прочной следует признать ямальскую (ненецкую), сохраняющую алгоритм совместного движения людей и оленей, ритмичной работы «трансформера», реализации принципа техноанимации и др. Чукотский опыт открывает матрицу трехуровневой мобильности (пешая, оленья и авто-авиа «орбиты») с целым рядом критических ситуаций и рисков. Кольская картина транспортно-технологической «смеси» и замены традиционного оленеводства промышленным производством оленины представляет собой не столько номадизм, сколько механизм (вахт, загонов, забоев и т. д.). Искусство движения в исполнении кочевников Арктики состоит в многообразии динамичной трансформности кочевья–стойбища, пути–паузы, пастухов–стада (Ямал), трехуровневой матрице мобильности в тунусе риска (Чукотка), управлении механизмом оленепроизводства средствами посткочевых технологий (Кольская тундра).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропология движения, номадизм, оленеводство, Арктика, ненцы, чукчи, саамы, коми-ижемцы

УДК 397(=1.17-81)

DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45

ГОЛОВНЁВ Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, директор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Быть кочевником — значит ощущать уют в движении, мыслить динамичными композициями и осваивать большие пространства. Обратное состояние «недвижимости» ассоциируется у кочевника с убожеством и глупостью, что выражено в татарском проклятье «Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь» (Герберштейн 1908: 143, 144) или викингской мудрости «Знает лишь тот, / кто много земель / объездил и видел, — / что на уме / у каждого мужа» (Старшая Эдда 1963: 17).

Часто номадизм смешивается с пасторализмом и кочевник рисуется пастухом лошадей, верблюдов или оленей. Это верно в том смысле, что именно прирученные животные, войдя в резонанс движения с людьми, позволили им превзойти свои физические возможности и освоить неподвластные пешеходу открытые пространства степей, пустынь и тундр. Однако пасторализм и номадизм не всегда совпадают, поскольку пастухи могут быть не кочевниками, а оседлыми животноводами; в свою очередь к кочевникам могут относиться не только пастухи, но и воины, торговцы, ремесленники, артисты, лекари, а сегодня и различные неономады — мобильные люди бизнеса, транспорта, кибер-сетей, реальные и виртуальные путешественники.

В наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики; напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий. XXI век стал свидетелем ренессанса движения, охватившего страны и народы в виде туристического бума, миграционных волн, кибер-коммуникаций. Другими словами, неономадизм (новое кочевничество) не просто входит в моду, но и приобретает стратегический вес. Не случайно на рубеже веков в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный стремлением заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. Среди ключевых концепций быстро развивающейся антропологии и философии мобильности можно назвать «ризому и номадологию» Жюльена Делёза и Феликса Гваттари (Deleuze, Guattari 1987), «человека путешествующего» Эрика Лида (Leed 1991), мобильность и автомобильность Джона Урри (Урри 2012), «экологию путей» Тима Ингольда (Ingold 2011), «антропологию движения» (Головнёв 2009; 2018).

Кочевник живет в каждом из нас, и номадизм — исконное и исходное состояние человечества, благодаря которому люди расселились по всей планете и адаптировались к многообразным природным условиям. Мы часто не задумываемся об этой неординарной мобильности *Homo sapiens*, предпочитая мыслить оседло и статично. Между тем именно искусство движения произвело на свет технологии освоения и преодоления пространств, включая транспорт, разного рода метательные, летательные

и двигательные орудия, а главное — стратегию контроля над пространством, представляющую собой ключевое свойство человека и лежащую в основе всех сценариев социального поведения, от детской площадки до империи.

Итак, номадизм — не тень прошлого, а культура настоящего и будущего, которая не отмирает, а лишь меняет свой облик. Отталкиваясь от метафоры айсберга и его верхушки, кочевничество можно рассматривать как наиболее яркое проявление общечеловеческой динамики. Поэтому правильнее исследовать кочевников не как увядающую традицию, а как школу движения, которая дает нам уроки мобильности и адаптивности.

МЕТОД ЗАПИСИ

Раньше подобное исследование было затруднено не только потому, что номадизм ассоциировался с варварством, но и за отсутствием средств записи кочевания. Историки и этнографы знают, что кочевье крайне трудно описать — от количества слов картина только запутывается. Зато легко и наглядно ее передает кинематограф (букв. «запись движения»). Поэтому в нашем исследовании изображение приобретает столь же высокий статус, как и научный текст, а в ряде случаев становится приоритетом, отгесняя текст на положение комментария.¹

Появление инструментов записи и анализа мобильности связано с визуально-виртуальной революцией. Авторский метод антропологии/этнографии движения, условно называемый КПД (карта–путь–действие), предполагает три измерения: (а) GPS-трек человека в течение дня; (б) карта кочевий в течение года/сезона; (в) видеофоторяд движений/действий. Запись движения средствами GPS-мониторинга с попутным визуальным сопровождением позволяет наглядно передать «анатомию мобильности». Это своего рода анимация деятельностного пространства, где та или иная практика выглядит как последовательность действий, персонифицированных конкретным человеком (Головнёв 2014).

Комплекс приемов включает замеры движения посредством визуальных средств и GPS-навигатора, моделирование ментальных карт кочевников, а также дизайн кочевого пространства. Трек дневного пути на карте дополняется характеристиками (1) основного занятия в течение дня, (2) ритма и эпизодов действия, в том числе пауз, (3) снаряжения и инструментария, (4) взаимодействия с партнерами, (5) исполнения задач и самостоятельных решений, (6) местности, (7) погоды. В идеальном варианте синхронная запись треков всех участников кочевья (обитателей стойбища) дает полную картину движения/деятельности кочевой

¹ Пользуясь случаем, выражаю благодарность моим друзьям-коллегам, художникам-дизайнерам Д. А. Куканову и Ю. И. Коньковой, чьи рисунки составили значительную часть публикуемых изображений.

группы, по которой можно определить общий ритм, точки напряжения и расслабления, узлы и сгустки коммуникации, роль лидера в организации движения/действия.

Дрон (квадрокоптер) позволяет осуществить 3D-моделирование стойбищ, вещей, фиксацию действий с использованием аэрофото- и видеосъемки. Беспилотник применяется для построения проекционных планов стойбищ, создания трехмерных моделей и иных форм использования технологий фотограмметрии: общий план (высота съемки 20–250 м) местности, стойбища, стада, каравана (на максимальном удалении от земли); средний план (высота съемки 3–20 м) дает кадры с недоступными иными средствами ракурсами состояний, объектов, эпизодов действия (встроенная видеокамера имеет разрешение 4К, что позволяет использовать отдельные видеокдры в качестве фотографий).

Картографирование в разных масштабах включает схемы годичных миграций (общий план), карты сезонных перекочевок (средний план) и топографию отдельных стоянок, стойбищ, пастбищ (крупный план). Общий план показывает, помимо маршрута, контакты кочевников с полуседлым промысловым и оседлым поселковым населением. Выявление особенностей мобильности разных групп и характера их контактов (кооперации, конкуренции, коалиции по отношению к внешним агентам) необходимо для понимания стратегии и мотивации мобильности. Свод треков дает картину насыщенности жизненного пространства движением/деятельностью.

Этнографическое исследование мобильности включает не только полевое наблюдение, но и феноменологическое (герменевтическое) восприятие и толкование модулей мотивов-решений-действий. Этот алгоритм согласуется с ментальной картой кочевников, схемой их передвижений и действий в пространстве-времени (у кочевников эти категории синтезированы). Для постижения кочевого движения этнографу желательно опережить состояния движения, особенно в его критических эпизодах.

Создаваемые этой методикой многомерные картины движения не всегда легко ложатся на книжную страницу — исходно они выполнены в GPS-треках, 3D-моделях, видео (в том числе GoPro, Copter). В перспективе собранный свод данных может быть выложен в кибер-сети в виде «живой книги». Кроме того, данный метод позволяет выполнить ранее неразрешимую задачу — адекватно отобразить и представить кочевую традицию как достояние мировой культуры, в том числе в своде ЮНЕСКО.

Т Р И Т У Н Д Р Ы

Базовыми для исследования арктического нomaдизма стали чукотская, ненецкая и ижемско-саамская кочевые традиции в их ситуативных

(этнокультурных, исторических, локальных) вариациях на Чукотке, Ямале и Кольском полуострове по полевым наблюдениям 2013–2018 гг. (подробнее: Головнёв и др. 2014; 2015; 2016).

Арктические тундры относительно недавно — 20–30 тысяч лет назад — были заселены людьми, и именно здесь, в культурах северных кочевников-оленоводов, до сих пор сохраняется свойственный раннему человечеству высокий потенциал движения. По наблюдениям археологов и палеоэкологов, расселение людей по циркумполярному поясу от Скандинавии до Чукотки и Америки состоялось за счет «высокоскоростных миграций», свойственных первопроходцам высоких широт (Первоначальное заселение Арктики 2014: 20). И позднее народы Севера обладали неординарной мобильностью, позволявшей им осваивать обширные и труднодоступные пространства. Во многих культурах Арктики кочевание считалось благополучием, а оседлость — бедствием.

Три евразийские тундры равновелики по оленеводческому потенциалу: на Чукотке, Ямале и в Фенноскандии (включая скандинавские и кольские тундры) численность оленей колеблется вокруг полумиллиона голов. Кочевые культуры чукчей, ненцев, саамов и коми-ижемцев обладают гибкой адаптивностью к экологическим и социальным воздействиям и техническим инновациям. В последние десятилетия оленеводы Севера Евразии в разной степени успешно адаптировались к новейшим технологиям управления, экономики, информации, дав впечатляющие примеры неотрадиционного развития культуры, экономики и самоуправления. Механизм движения, заложенный в системах миграций кочевников Арктики, с одной стороны, воспроизводит универсальный древний алгоритм освоения человеком планеты, с другой — многообразно применим в новейших стратегиях мобильности и освоения Арктического региона.

Дизайн мобильности трех кочевых сообществ варьирует в зависимости от ландшафта, близости к морским берегам, горам и лесам, а также оседлым группам, административным центрам и промышленным объектам. Чукчи, ненцы и саамы пасут оленей по-разному, но одинаково видят в оленеводстве экономический стержень, а в олене — символ своей самобытности (для коми-ижемцев это еще и коммерческий проект) (рис. 1–3).

Чукотке с ее горными и приморскими тундрами традиционно присущ пеший и упряжный выпас крупных стад, дополненный в XX в. вездеходным транспортом. Здесь сочетаются горизонтальные (тундра–море) и вертикальные (горы–долины) миграции: летом обдуваемые ветрами приморские и горные тундры спасают от гнуса и оводов, зимой низины и долины с их древостоем обеспечивают топливом и укрытием от холодных ветров. Годичный цикл миграций оленеводов вытянут от леса к морю или кругообразен, и пастбища Чукотки разделены на бригадные участки кочевий. К примеру, площадь «круга» 3-й бригады Чаунской тундры

Рис. 1–3. Три тундры: Чукотка, Ямал, Кольский полуостров (сверху вниз)

составляет около 5–6 тыс. кв. км с радиусом 40–60 км; оленевод пешком или на упряжке способен его пересечь в любом направлении за сутки или двое (чукчи считают дневной ход в 40 км обычным для мужчины); таким образом, весь круг находится под контролем кочевника. Круговая локализация кочевий дает возможность летнего вольного отпуска оленей с эпизодическим дозором и последующим осенним сбором стада.

Ямал с его обширной низинной тундрой, вытянутой от леса до моря на 700 км, задает сезонный ритм меридиональным миграциям оленеводов протяженностью до 1 500 км с круглогодичным окарауливанием больших стад на оленьих упряжках с помощью собак-оленегонок. Столь масштабные перекочевки обусловлены нуждой в дровостое и укрытии от ветров зимой и в северных приморских пастбищах летом, когда остальная тундра накрыта тучами комаров и оводов. Кочевья между летними и зимними пастбищами проходят по «хребту Ямала» (*Хой*) — возвышенному водоразделу Карского и Обского бассейнов. Весной и осенью по нему почти сплошным потоком движутся стада оленей, расходящиеся затем веером на летние и зимние пастбища (магистральный поток по хребту составляет по протяженности больше половины общей миграции). В лесотундре, северной и горно-уральской тундре часть оленеводов практикует круговые маршруты кочевания.

Кольская тундра выглядит узкой полосой (около 100 км) между лесом и морем. Саамы издавна практиковали здесь выпас небольших стад (до нескольких десятков оленей) с короткими миграциями и использованием для транспорта саней и вьюка. Это «избное» оленеводство включало доение важенок, летний вольный выпас и сбор стад с помощью собак-оленегонок. В 1880-е гг. мигранты коми-ижемцы привнесли крупностадное товарное оленеводство с круглогодичным выпасом, промышленным осенним забоем оленей, наймом пастухов-работников (в том числе саамов), производством продукции на продажу (в том числе замши и меховой одежды). В 1970-е гг. кольские оленеводы вернулись к летнему вольному отпуску оленей, по границе тундры и леса построили сплошную изгородь (огород) для регулирования сезонного движения оленей, а вдоль огорода — избы и корали. Оленеводство стало «огородным», а кочевание — вахтовым, с выездами на пастушеские смены и возвращением в поселки (Головнёв 2016: 133).

Постсоветский кризис по-разному отозвался на Чукотке и Ямале, которые в советскую эпоху были мировыми лидерами оленеводства. В 1990 г. в Ямало-Ненецком и Чукотском округах насчитывалось оленей поровну: 490 и 491 тыс. соответственно. В 1995 г. численность оленей у ненцев выросла до 508 тыс., а у чукчей сократилось до 236 тыс. Сейчас на Ямале около 700 тыс. домашних оленей, на Чукотке — около 150 тыс. Каждая тундра переживает свой кризис: Ямал — перепроизводство оленей, Чукотка — катастрофический спад. Чукотское оленеводство

пошатнули три обстоятельства: тотальное огосударствление (коллективизация) стад и отсутствие частного поголовья оленей; подрыв самодостаточности оленеводства вследствие внедрения вездеходно-тракторной техники; массовый отток квалифицированных кадров при нагнетании атмосферы разлухи и мародерства (Golovnev 2000–2001).

В Мурманской области постсоветский кризис вызвал спад поголовья оленей: в 1990 г. насчитывалось 77,5 тыс. оленей, в 2000 г. — 70,0 тыс., в 2010 г. — 62,47 тыс., в 2011 г. — 58,9 тыс. (Север и северяне 2012: 260). В последние годы оно стабилизировалось и даже слегка пошло в рост: в 2014 г. — 54,4 тыс., 2015 г. — 56,2, в 2016 г. — 56,8, 2017 г. — 58,1. Львиная доля (90 %) кольского поголовья оленей приходится на сельскохозяйственный производственный кооператив (СХПК) «Тундра» (с. Ловозеро) и СХПК «Оленевод» (сс. Краснощелье, Каневка, Сосновка), владеющие стадами по 25 тыс. оленей. Остальные 10 % принадлежат общинам и фермерским хозяйствам, использующим оленей в ассортименте туриндустрии.

ЧУКОТСКИЕ РИТМЫ

На исходе советской эпохи на Чукотке было около трех десятков оленеводческих совхозов, владевших полумиллионным стадом. К 2000 г. их число сократилось до 23, зато появилось свыше 30 фермерских оленеводческих хозяйств, которые, правда, вскоре закрылись или вернулись к коллективным формам (Мироненко 2000). С 2000 г. усилиями оленеводов, при инвестиционной поддержке администрации Чукотского АО, поголовье домашних оленей постепенно восстанавливается: в 2000 г. — 92 тыс., в 2001 г. — 100 тыс., в 2002 г. — 106 тыс., в 2015 г. — 185 тыс., в 2017 г. — 150 тыс. Сегодня в округе 16 оленеводческих предприятий-сельхозпроизводителей (СПХ), крупнейшее из которых — СПХ «Чаунское» (северная Чукотка) — содержит около 30 тыс. голов.

Рискованность оленеводства на Чукотке состоит не в скудости пастбищ или дурном климате, а в социальных угрозах и бедах, выпадающих на долю оленеводов. Хаос и мародерство, царившие на Чукотке в 1990-е, стали для оленей губительнее эпидемии: за десятилетие общая численность чукотского поголовья сократилась впятеро, с 491 тыс. в 1990 г. до 92 тыс. в 2000 г. По мнению старожилов, «перестройка сгубила чукотское оленеводство».

Оленей пропили, проели, проспали. Шелагский колхоз [совхоз «Большевик». — А. Г.] имел стадо в 40 тысяч голов. Сейчас у них нет оленей. Спирт на стоянки оленеводов привозили бочками. Стадо разбазарили. Из тундры и национальных поселков люди на кладбище переселились. Чаунский совхоз держал 60 тысяч оленей, 12 бригад

было... Сейчас наше предприятие могло бы носить имя «Путь к развалу». Вторую бригаду полностью споили. Вездеходы всегда на ремонте. Руководство меняется, а толку нет. Стадо только на бумаге растет. Лет двадцать еще оленеводство продержится, после нашего вымирания ничего не останется (А. Антылин, Чаун-Чукотка, 2018).

С упадком домашнего оленеводства пропорционально быстро размножился «дикарь»: в 1986 г. поголовье диких оленей насчитывало 32,2 тыс., в 1997 г. впятеро больше — 159 тыс. (Грей 2016: 45). Век назад дикарь оленеводству не угрожал, и чукчи не гнали приبلудившегося самца-дикаря из домашнего стада: «Пусть гуляет, хороших оленей наплодит нам». Пастухи специально приманивали дикарей и ценили их потомство за быстроту в упряжке и качества маншика на охоте (Богораз 1991: 10–11). Чукчи до сих пор отмечают такие достоинства «метисов», как сила, красота, легкий бег и умение вести стадо по хорошим пастбищам. Но сегодня настроение изменилось: от массового скрещивания с дикарями появилась полудикая «порода» (олени чукотской породы *харгин* вообще легко возвращаются в дикое состояние), и стада одичавших создают неизвестные в прошлом сложности сбора и окарауливания стад. Накануне гона дикари и метисы разбивают домашние стада на «куски» и могут увести за собой все стадо (так случилось в 2008 г. со стадом 1-й бригады СПХ «Чаунское»). Домашние олени охотно поддаются воле красавцев-дикарей и следуют за ними, не подчиняясь пастухам. Конкуренция за стадо выражается в высказываниях пастухов: «Дикаря надо убить, чтобы он не путал стадо»; «дикий должен быть диким, а олени должны быть в стаде». По словам Антылина, нынче люди ослабли, а дикари окрепли: «Хозяева вымерли, расплодились дикари».

В последние годы угрожающие масштабы приобрело одичание не только оленей, но и собак (до XX в. чукчи не использовали собак для окарауливания оленей, затем ситуация изменилась благодаря завезенным с Ямала ненецким оленегонкам). «Из брошенных поселков собак много с волками ушло, помесь собаки и волка злая получается; шкуры пятнистые... Если у тебя 100 голов стадо, волки 40 голов зарежут (больше играют, шкуру сдерут и бросят), в год до 600 голов на одну бригаду теряем из-за волков» (Чаун-Чукотка, 2018). Потери от волков и диких собак велики, как и потери от увода стад дикарями. Конкуренция за стадо с дикарями и волками — одна из главных угроз и забот чукотских оленеводов.

Чукотка с незапамятных времен пребывает в состоянии кризиса, вернее чередующихся кризисов, и ее дискретная социальная инфраструктура не обладает долговременными защитными механизмами. Оленеводам приходится выстраивать свое движение с учетом не только состояния пастбищ и стада, но и множества иных обстоятельств, в том числе проблем с топливом и техникой, нашествий дикарей, атак хищников-зверей

(волк, бурый и белый медведи, россомаха, ворон) и хищников-людей (браконьеры с дальних и ближних приисков, торговцы алкоголем), просчетов временщиков-руководителей, которых на Чукотке больше, чем в других районах Севера.

В чукотской кочевой динамике три орбиты или скорости. Пеший ход образует опорный горизонт, основу матрицы мобильности: пространство выпаса стад и кочевий «сшито» пешими маршрутами, которые сегодня дополняются поездками на снегоходах и квадроциклах. Средний горизонт составляет оленное движение стада и каравана с длительной летовкой и короткими стоянками в межсезонья. Верхний горизонт для многих тундровиков представляют авиа- и автоперевозки тундра–поселок–город, поскольку почти у всех есть квартиры или дома в поселках. В прошлом эта третья «орбита» выглядела движением между тундровыми стойбищами и береговыми поселками, в которых оленеводы (*чаучу*) и зверобои (*аукальыт*) в ходе взаимных визитов иногда выступали в роли торговцев (*кавральыт*). В этой трехуровневой мобильности один и тот же человек ведет себя по-разному; например, когда пастух покидает бригаду и оказывается в поселке, его действия имеют мало общего с пастушеством.

Таким образом, трехуровневая матрица мобильности чукчей состоит из пеших, оленьих и авто-авиа маршрутов. Каждому горизонту присущ свой ритм: пеший, самый частый, условно определяется как ежедневный (365 маршрутов в год); оленный, обеспечивающий 15–40 перекочевов в год, в зависимости от состояния пастбищ, стада, погоды, дробления бригады для выпаса или сбора «кусков»; авто-/авиапоездки тундра — поселок случаются почти ежемесячно (около 12 в год). В отличие от ненцев, которые будто слиты со стадом и кочуют вместе с ним, чукчи держат основное (маточное) стадо на дистанции, периодически навещая его пешком, на оленях или снегоходах. Если ненцы регулярно (раз в день) пригоняют своих оленей на стойбище, то чукчи собирают к ярангам лишь небольшое стадо ездовых быков. Чукотское кочевье выглядит как перестановка стойбища с одной точки контроля стада на другую, и эта манера напоминает охотничьи маневры преследования и подстерегания дикого стада.

Поскольку пространство и время у кочевников слиты, миграционный маршрут 3-й чаунской бригады имеет вид одновременно круга в пространстве и круглого года во времени. Опорной точкой является место стоянки летних «тяжелых» яранг на реке Элькаквун, которое в календаре обозначается *анойильгын* («месяц стояния», июль). Название реки происходит от находящейся неподалеку остроконечной сопки (*Элькаквун* — ‘сопка-гвоздь’), с вершины которой оленеводы оглядывают окрестности, выискивают оленей, следят за хищниками. В этом смысле Элькаквун действительно служит «гвоздем» кочевой жизни 3-й бригады (рис. 4).

Век назад кочующая группа чукчей-олленеводов была в среднем вдвое меньше, чем сейчас, и состояла из двух-трех семей (10–15 человек),

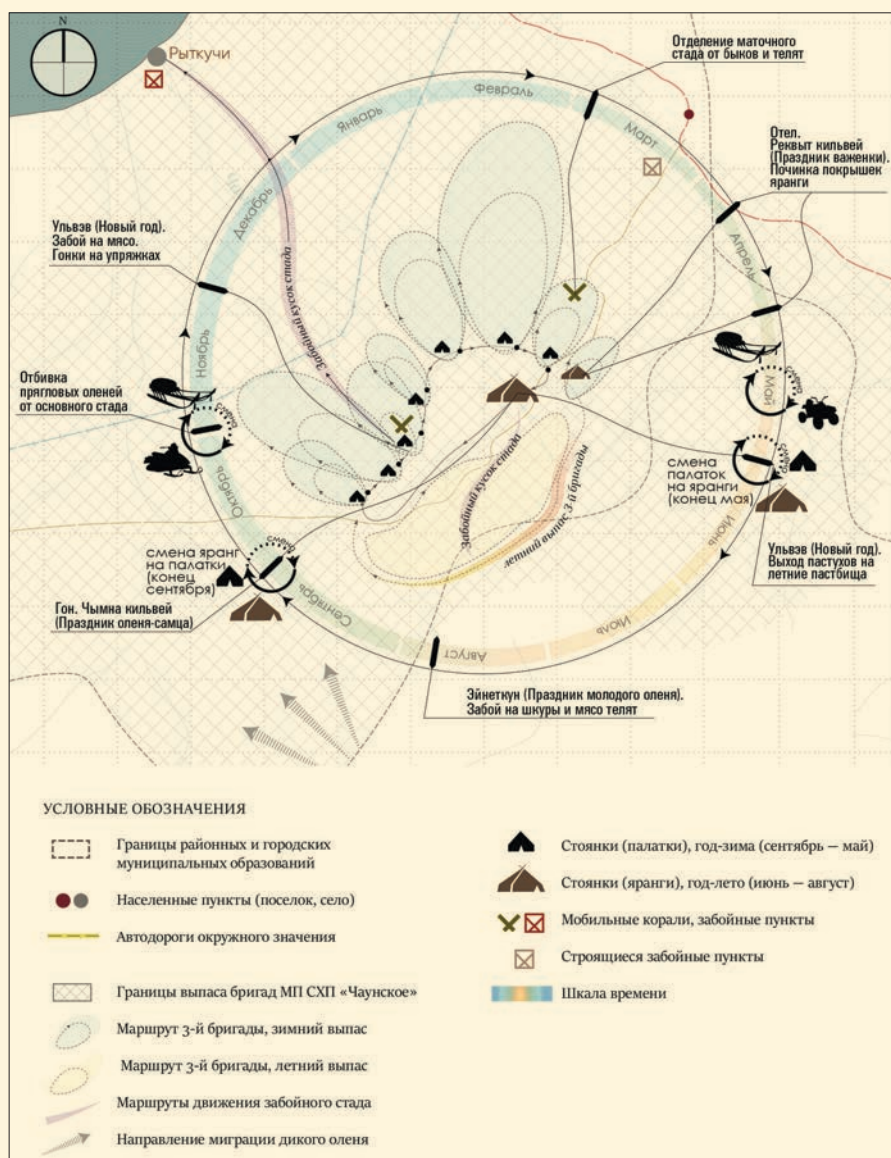

Рис. 4. Схема годичной миграции 3-й бригады МП СХП «Чаунское»

а крупные стойбища в десятке яранг образовывались лишь на ярмарках. Во главе группы стоял хозяин стада (или большей его части), чья «бычьеподобная» (подобно крупному быку-самцу в оленьем стаде) яранга располагалась первой с северного или восточного края стойбища. Хозяина стойбища называли «главномдомный» или «переднедомный», а обитателей остальных яранг — «заднедомными». «Главномдомный» первым после перекочевки ставил свою ярангу, а остальные подстраивались «в

порядке подхода к стоянке» (Богораз 1934 Ч. 1: 142, 143). Семейный караван состоял из 10–15 нарт, состоятельные хозяйства кочевали «поездами» в 40–60 нарт. «Небольшое стойбище при перекочевке обычно делает в день до 25 миль, большое стойбище — от 10 до 15 миль, часто же, особенно ранней осенью, не более трех или пяти миль в сутки» (Богораз 1991: 31–33). По воспоминаниям Варвары Кузнецовой, в 1940–1950-е гг. чукчи-кочевники относились к многочисленным коротким осенним и весенним остановкам как к передышкам, не предполагающим основательной постановки яранги (Михайлова 2015: 88).

В современных бригадах по 4–6 яранг, главная из которых (*ермесит*) занимает северо-восточный край и принадлежит бригадиру. Раньше все яранги бригады кочевали одновременно, сейчас, в зависимости от задач окарауливания стада, часть яранг может остаться на месте, часть перекочевать на новую стоянку. Согласование действий достигается посредством поездок на снегоходах и оленьих упряжках. Перекочевка может проходить в несколько этапов, включая переброску грузовых обозов и перевоз собственно яранги с ее обитателями (рис. 5).

Караван (*муульгын*) может состоять из двух и более нартовых поездов (*мууриль*). В день перекочевки с раннего утра начинается подготовка грузовых нарт, которые составляют в *элгаан* — полукруглый кораль из вертикально приставленных друг к другу 15–16 нарт. Внешне он напоминает забор, служащий загонем для оленей; при этом нарты поставлены так, чтобы с началом движения они, встав на полозья, вытянулись друг за другом в караван. Затем мужчины идут или едут в стадо, отбивая нужный для кочевья «кусок» стада. Подогнав его к ярангам, пастухи направляют оленей в *элган*, а оставшихся отлавливают арканами. В голову каравана ставят легковую нарту, женскую кибитку и священную нарту. Когда все олени запряжены и выстроены вдоль *элгана*, ведущий каравана берет за узду передового оленя (смирного и хорошо обученного) и неторопливым движением растягивает кораль *элган* в нартовый поезд *мууриль*. Обычно олений перегон проходит одним пробегом в 10–15 км, чтобы как можно быстрее освободить оленей из упряжек, однако на самом деле в пути случаются остановки из-за запутавшихся оленей, опрокинувшихся нарт, разорвавшихся лямок. Перекочевка в целом занимает световой день, движение каравана — около трех часов.

Основные состояния в ритме чукотского кочевья — *ярэн* (стойбище) и *муульгын* (кочевой караван). Слово «яранга» образовано от понятия *ярауы* — ‘дом, жилье’. Яранга представляет собой не только жилище, но и социальное ядро, причастность к которому определяет место и роль человека в обыденной жизни, ритуалах, отношениях родства и соседства. В чукотской традиции стойбище и прилегающая к нему территория называется *ярэн*, в отличие от внешней тундры *нутенум* (Vaté 2011: 141, 142).

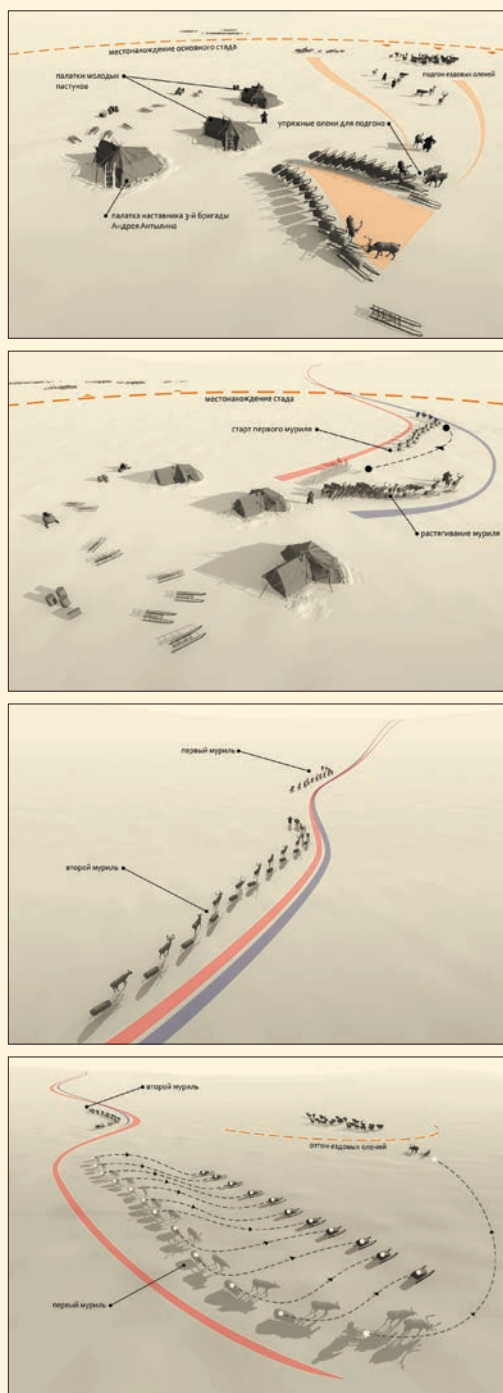

Рис. 5. Перекочевка 3-й бригады: подгон ездовых оленей; старт мурилей; движение мурилей по тундре; расположение нарт на месте будущего стойбища

Одним из самых напряженных и ответственных эпизодов оленеводческого цикла является поиск и сбор отколовшихся «кусков» стада в конце лета и начале осени. Он представляет собой сложную композицию действий поисковой команды вездехода и пастухов, из которых одни (держатели) окарауливают основное стадо, направляя его в сторону яранг, а другие (искатели) разыскивают и собирают «куски» (по несколько десятков или сотен оленей). Задача затрудняется тем, что основное стадо не стоит, а движется, и может в любой момент расколоться из-за тумана, нападения волков или медведей, неумелого окарауливания, ухода части оленей за реку, увлечения оленей грибами и т. д. Сбор и подгон «кусков» представляет собой многоходовую комбинацию, в которой чередуются быстрые решения и терпеливые ожидания, короткие отрезки напряжения и расслабления.

Наиболее сложны для загона «куски», ведомые дикарями. На них нельзя пускать собак, потому что от испуга дикари уведут кусок далеко. Пешим маневром отделить дикарей от домашних удастся крайне редко. Преследование убегающего «куска» ведется на вездеходе, от вида и рева которого дикари вырываются вперед, а домашние отстают. В этот момент нужно вклиниться между дикими и домашними оленями, разделяя их криками и резкими движениями (рис. 6).

Наставник Антылин на вездеходе очерчивает дугу, охватывающую долину речки с расходящимися от нее горными «карманами» и склонами соседних перевалов. Цель маневра состоит в том, чтобы собрать бродящие по склонам и карманам «куски» в один поток и направить его к основному стаду, пасущемуся у реки Элькаквун. При этом куски нужно подтолкнуть с разных сторон так, чтобы на обратном пути вездеход собрал их одним ходом. Местонахождение некоторых «кусков» уже известно благодаря разведке, проведенной пешими пастухами и дозорным на квадроцикле. Вездеходная команда, включающая пару пастухов с собаками, тоже ищет куски и направляет их в одно «русло». При лобовом вспугивании олени бегут либо против ветра, либо туда, откуда только что пришли. Направить их в ином направлении можно обходным маневром вездехода или пуском пастуха с собакой.

В обиходе чукчей недавно появилось выражение «засобачить». Например, при виде «куска» по ходу вездехода звучит команда: «Соскочи и засобачь». Один из пастухов сбрасывает с вездехода собаку, вслед прыгает сам, бежит и командует собаке повернуть оленей в нужном направлении («засобачить» можно слева или справа). Раньше собак-оленегонок у чукчей не было, они появились лишь в советское время, но сейчас собака, умеющая гонять оленей, — неперемный персонаж оленеводства.

В ходе загона и лова оленей наставник Антылин, командующий всей операцией, постоянно поторапливает молодежь: «Где ловцы?! Давай, лови, время же идет!» Во время осеннего сбора оленей он не дает толком

Рис. 6. Маневр 3-й бригады МП СХП «Чаунское»

ни попить чаю, ни поесть, ни отдохнуть, ни замерзнуть: короткие «чаевки» проходят под аккомпанемент его суждений о медлительности молодежи, изменчивом ветре, нахальных дикарях и других угрозах, из которых складывается нечто вроде заклинания «туман придет, олени уйдут».

Молодые пастухи не решаются принимать самостоятельных решений ввиду того, что только Антылин держит в голове всю сеть параллельных и последовательных связок и действий по подгону основного стада к ярангам, соединению «кусков», распределению пастухов на держатели, искателей и загонщиков, траектории движения вездехода, квадроцикла, пешеходов, дикарей, а также ритма стойбища с его женскими приготовлениями. Только ему введома комбинация ходов, когда, глядя вслед убегающему за перевал «куску», он произносит: «Пусть бегут, куда бы они ни спрятались, мы их найдем». Все участники гонки почти слепо следуют его указаниям, при этом ворча на его занудство (в ограничении «чаевок»), дотошность (в попутном сборе дров) и жесткость (в бросках пастухов с собаками). В итоге именно по его воле из разных действий образуется слаженная картина движения.

Опыт 73-летнего оленевода-наставника Антылина показывает, насколько значима фигура лидера в оленеводстве. Ему самому не раз доводилось начинать почти с нуля и приумножать стадо. Лет двадцать назад его уговорили оставить успешную 3-ю бригаду с 6 тыс. оленей и возглавить бедствующую 1-ю бригаду; за пять лет (1999–2004) он сумел нарастить ее стадо с 800 до 5 тыс. голов. Тем временем стадо 3-й бригады почти растаяло, и по настоянию старшего брата Вуквукая Антылин вернулся и восстановил его до 6 тыс. голов. Сегодня половину оленей Чаун-Чукотки пасут две бригады под началом стариков-братьев Вуквукая (12 тыс. оленей) и Антылина (6 тыс. оленей). Несмотря на почтенный возраст, оба еще крепки (Вуквукаю за 80, но он до сих пор побеждает на скачках). Передав формально бригадирство своим сыновьям, они числятся наставниками и по существу руководят бригадами. Чукчи считают их главными оленеводами Чаунской тундры (Головнёв 2016).

ЯМАЛЬСКИЙ ТРАНСФОРМЕР

Ямал до советской эпохи оставался страной тундровых кочевников без оседлых селений (оседлость начиналась на Оби, в полосе лесотундры, где располагались Обдорск и остяцкие юрты). Но уже тогда тундровое оленеводство представляло собой сложную систему, ядром которой были состоятельные оленеводы (*тэта*), кочевавшие со своими стадами в тысячу и более голов по плоской тундре Ямала от леса до моря. Их зимние кочевья располагались в лесотундре (на Хэнской стороне) или в южной тундре (на Ямальской стороне); весной караваны двигались на север по «хребту Ямала» (*Хой*) — возвышенному водоразделу Карского

и Обского бассейнов — и на лето расходились веером на летние пастбища, а осенью по той же магистрали шла обратная миграция.

Тундровая оленеводческая система включала крупнотадное ядро, связывавшее своими протяженными миграциями все пространство полуострова, и периферию, образованную сателлитными группами малооленных пастухов, охотников и рыболовов. Вне связи с оленеводческим ядром периферийные группы не могли существовать; в свою очередь тундровое оленеводство нуждалось во вспомогательных звеньях, дополнявших его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, а на отдельных этапах хозяйственного цикла — совместными усилиями и средствами; в кризисных ситуациях промысловые станы служили убежищем для разорившихся оленеводов. Согласно ценностным установкам, каждый «сидячий» тундровый промысловик стремился «подняться на каслание» (нарастить поголовье стада и сделаться пастухом), но в случае бедствия (эпизоотии, гололеда, волчьей потравы, лихоимства соседей) оленевод мог испытать оседлую судьбу на промысловых угодьях (Головнёв 1989; 1997).

В своей динамике система ямальского оленеводства представляется не только трансформером, меняющим конфигурацию в пространстве-времени, но и матрицей, в которой отдельные ячейки заменяются или дополняются новыми. Например, в конце XIX в. она дополнилась неводным товарным рыболовством, а в XX в. — целым комплексом поселковых производств и служб. В советское время роль магистральных оленеводов стали играть совхозные бригады. Устойчивость и одновременно динамизм тундровой хозяйственной системе придают миграции оленеводов, охватывающие все пространство тундры от морского побережья до границ леса. Оленеводы, приписанные к райцентру Яр-Сале, поселкам Сюнай-Сале и Новый порт, составляют самую многочисленную группу кочующих хозяйств с 200 тыс. оленей — ядро современной оленеводческой системы Ямала. Это сообщество оленеводов «ярсалинской тундры» покрывает кочевьями львиную долю полуострова и образует его оленеводческую кочевую магистраль (рис. 7).

Для упорядочения движения стад их маршруты в пространстве-времени разделены на северные, средние и южные. 18 бригад МОП «Ярсалинское» и частники соблюдают последовательность северные—средние—южные уже на старте весенних перекочевков, выходя на переправу через Обскую губу. Пройдя по льду Юрибей, северные кочевья разделяются на левые северá (направляющиеся к Харасавэю и Карскому берегу) и правые северá (идущие в сторону Сё-яхи, к Обской губе). Средние занимают пастбища в центре Ямала, южные после ухода северных и средних остаются в южной тундре.

В течение года 17-я бригада совершает около 80 перекочевков (на маршруте общей протяженностью 700 км), 10-я — 110 перекочевков (1 300 км), 6-я — 120 (1 500 км). В течение года кочевье от 80 до 120 раз

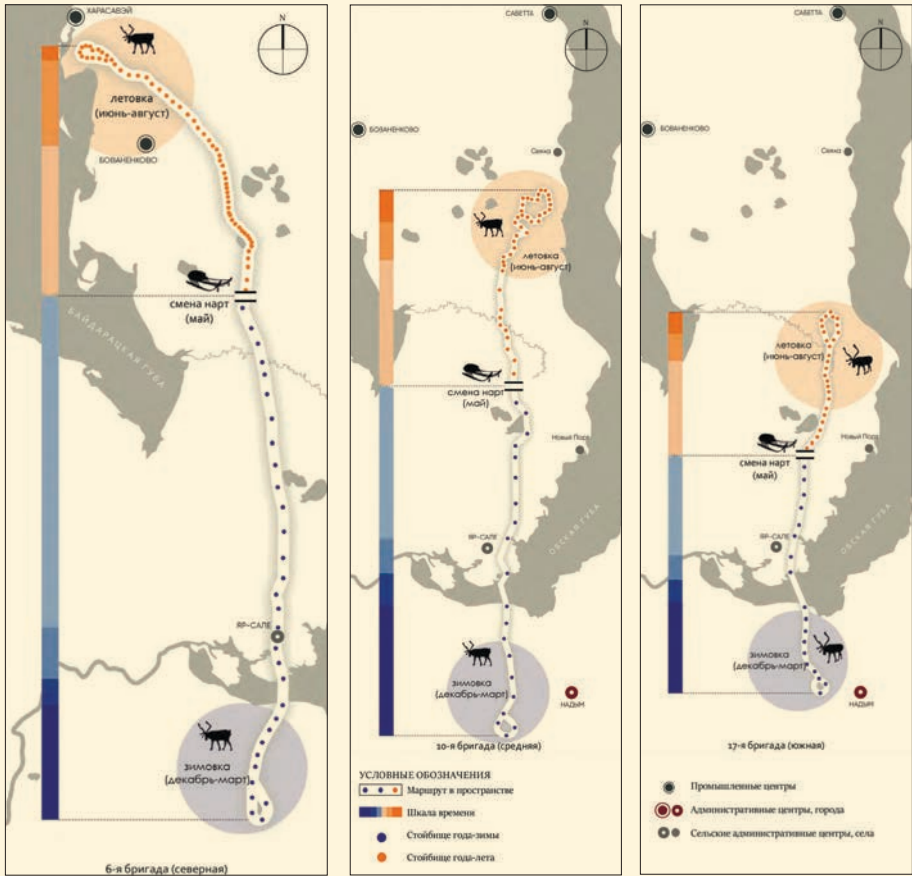

Рис. 7. Схемы годичных миграций

превращается в стойбище. Зимой перекочевки редки, а стоянки длительны, и кочевье «отдыхает» (так о зимнем состоянии, несмотря на все его трудности, говорят оленеводы). Весной стоянки коротки, перекочевки стремительны и протяженны, кочевье «прет» к весенне-летним пастбищам; поздней весной стадо «телится» и резко снижает скорость движения, а летом спокойно «пасется» (это главный сезон нагула в году). Зимой средняя длительность стоянки в лесотундре — месяц (иногда стойбище всю зиму стоит на одном месте), весной — 1–3 дня, летом и осенью — 3–5 дней. Длина перекочевки в среднем составляет 9 км (от 5 до 20) и зависит как от ситуации (перевалка через Обскую губу достигает 80 км), так и от режима окарауливания стада: ранней весной кочевье мчится на предельной скорости, делая «прыжки» по 20 км; поздней осенью оно следует за стадом (иногда при «бесчумном» выпасе с разделенным стадом), делая частые, но короткие перекочевки в 5–7 км.

Ритм в кочевье важен так же, как в музыке, но это не отсчет метронома и даже не пульс живого организма, а сложное сочетание

био-эко-техноритмов, которые связаны в единую композицию. Ритм этот меняется в зависимости от сезона, маршрута, размера и состава стада, погоды и попутных событий, возраста и темперамента оленевода (к тому же сам по себе человеческий организм — «полиритмичная машина»). Оленевод наделен этим специфическим чувством ритма от рождения, и его отсутствие или замещение создает кочевнику дискомфорт в городском уюте. Жить в кочевом ритме означает мотивацию и программу желаний и действий на уровне врожденно-приобретенного инстинкта. Эта чувственно-рациональная программа исполняется в слитном пространстве-времени: путь к лету оказывается дорогой к морю, а зима приближается не только с падением температур, но и со сгущением растительности. По традиции рубежом между зимним и летним кочевьями служит пункт сезонной смены караванов (на лето здесь оставлялись зимние нарты, на зиму — летние). Способность к кочеванию определяется этим ритмом как поведенческой стратегией: кочевник не просто меняет стойбища, следуя за оленями, а выполняет этот цикл движений так увлеченно и ответственно, словно в нем есть состязательный азарт, и его существование немислимо без этой гонки длиною в жизнь.

В основе ненецкой кочевой традиции лежит принцип динамичной кооперации. Ненецкая семья, даже объединяясь с другими семьями, самостоятельно кочует, ведет хозяйство, совершает ритуалы. Она чередует состояния, называемые *нарава* (свободная, отдельная жизнь) и *номдабава* (жизнь в объединении). Семья может в любой момент, собрав своих оленей, откочевать прочь и, по мере надобности, присоединиться к другому стойбищу. Этика родственных и соседских отношений исключает хаотичные миграции и обеспечивает устойчивость стойбищных объединений; вместе с тем серия сезонных объединений и разъединений составляет обычный цикл хозяйственного и социального взаимодействия.

На первый взгляд, ритм кочевья удобнее всего измерять стоянками (стойбищами), и тогда ритмограмма будет иметь вид тактов, в которых указана длительность статики, а перекочевки окажутся тактовыми чертами. Однако в кочевой традиции путь измеряется не стоянками, а касланиями (перекочевками), и в этом варианте в такте будет длительность-протяженность перекочевки, а стоянки станут тактовыми чертами. Впрочем, стойбищная жизнь выглядит остановкой лишь на фоне караванного движения, тогда как иные формы динамики на стойбище, напротив, активируются (например, женская мобильность). Для кочевников стойбище (*нэсы*) и кочующий караван (*мюд*) — не два противоположных состояния, а единый ритм. Слова *мю* (кочевка) и *мя* (чум) созвучны, будто доли целого.

В языке ненцев-кочевников, в отличие от языков оседлых народов, последним в предложении непременно стоит глагол. Скажем, выражение «по дороге движется караван» звучит по-ненецки *сехэрэвна мюд*

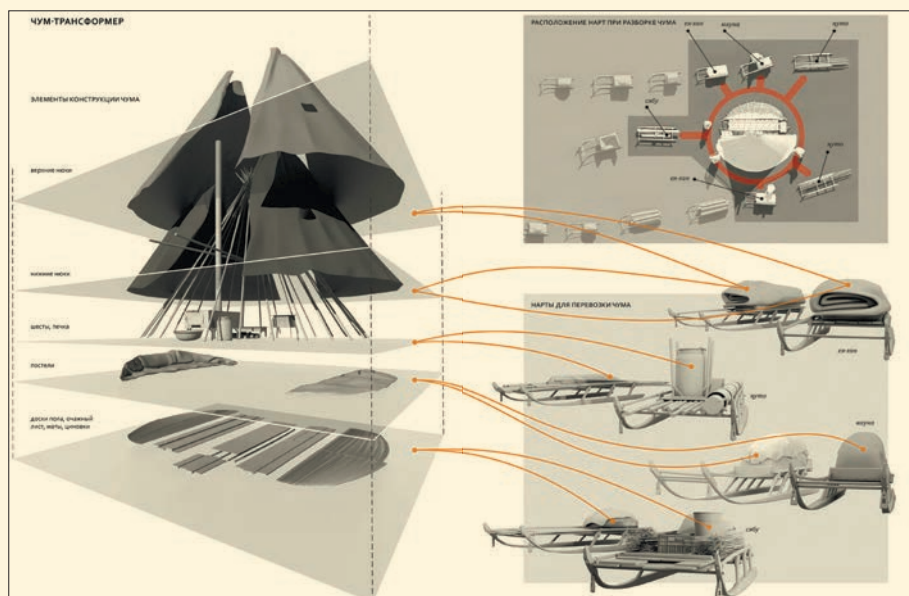

Рис. 8. Раскладка чума по нартам для транспортировки

мица — букв. «по дороге караван движется». Так выглядит и жизненная динамика: у ненцев событие завершается не существительным-итогом, а глаголом-действием. Иначе говоря, движение-действие оказывается опорной категорией, состоянием по умолчанию (рис. 8).

Вся ненецкая культура — кочевой трансформер, перемещающийся в пространстве-времени и меняющий свой облик в разных ритмах и измерениях. В годичном цикле трансформация состоит в смене конфигурации тундровых кочевий от лета к зиме (зимой они сосредоточены в южной тундре и лесотундре, летом — рассредоточены по просторам тундры с захватом ее северных и приморских окраин). В точке перехода от лета к зиме, называемой *но* («дверь»; так же обозначается и весь год), происходит замена летнего снаряжения на зимнее; тем самым кочевье полностью переодевается и переоснащается. В повседневности самым очевидным выражением трансформера является превращение кочевья в стойбище и наоборот. Если принять за норму 120 перекочевки в год, то получится, что усредненный ритм этой трансформации равен двум долям стойбища и одной доле кочевья (два дня остановки, один день перекочевки), а полный пространственно-временной оборот стойбище– кочевье–стойбище составляет три дня. У малооленных и краткомаршрутных хозяйств этот ритм может составлять 5–7 дней. Кроме того, зимой ритм значительно (на порядок) замедлен — на это время приходится своего рода «сон кочевья».

Когда стойбище, состоящее из нескольких чумов, преобразуется в кочевье, нить каравана растягивается от горизонта к горизонту, иногда

на несколько километров. В этот момент возникает ассоциация кочевого трансформера с гигантской змеей, сворачивающейся в клубок на стойбище и разворачивающейся во всю длину в движении. Примечательно, что при перекочевке стадо не приходится гнать — олени охотно движутся бок о бок с караваном. Кочевье оказывается самым органичным способом сосуществования и совместного движения людей и оленей. Именно в кочевье достигается оптимум со-движения, когда люди вместе с их имуществом буквально привязаны к оленям и мигрируют с ними «одним стадом» (рис. 9).

Основным мобильным модулем служит *мюд* (аргиш), поскольку именно он обеспечивает автономию и дееспособность кочевого общества и его основных ячеек — кочевых семей — в пространстве-времени тундры. Проще говоря, караван включает в себя чум, а чум представляет собой лишь часть аргиша. *Мюд* — своего рода матрешка: индивидуальный аргиш, который есть у каждого взрослого человека, насчитывает 6–9 нарт; семейный аргиш, состоящий из аргишей взрослых членов семьи, числом 20–40 нарт (в зависимости от размеров семьи); стойбищный аргиш, в который входят аргиши всех семей, включает до 150–200 нарт. Трудно сказать, какой из этих аргишей служит основным (или нуклеарным) кочевым модулем, отвечая требованиям минимальной самодостаточности. Сам принцип автономной мобильности предполагает возможность ситуативного схождения и расхождения этих аргишей; каждая семья (*мяд-тер*) может отделиться от прежнего стойбища и уйти в собственное кочевье — для этого у нее есть все необходимое от чума до запасов пищи и топлива. Единственное, что не позволяет сделать это в любой момент — общее стадо; для вылова и отгона своих оленей из объединенного стада необходимо не только желание, но и добрая воля соседей, с помощью которых это сложное действие возможно.

Вожделение стад по тундре напоминает судоходную навигацию, когда по пути следования необходимо не только выполнять намеченный маршрут, но и учитывать множество обстоятельств, которые могут привести к «стадокрушению» — его столкновению и смешению с другими стадами. Искусство ненца-оленевода состоит в маневре со стадом в «море оленей». Навигация среди множества стад, особенно в потоке массового кочевья по хребту Ямала, предполагает умение избегать столкновений с другими стадами и при этом не отставать (опоздавший идет по опустошенным пастбищам). Успешные маневры невозможны без поддержки родни и благорасположения соседей. В родственных и межродовых отношениях оленевод должен быть столь же виртуозен, как в обращении с арканом и упряжкой оленей.

Тундровые миграции напоминают, по словам самих оленеводов, игру в шахматы; эту ассоциацию усиливает правило тундрового движения: «Мы кочуем в шахматном порядке, чтобы не смешать оленей».

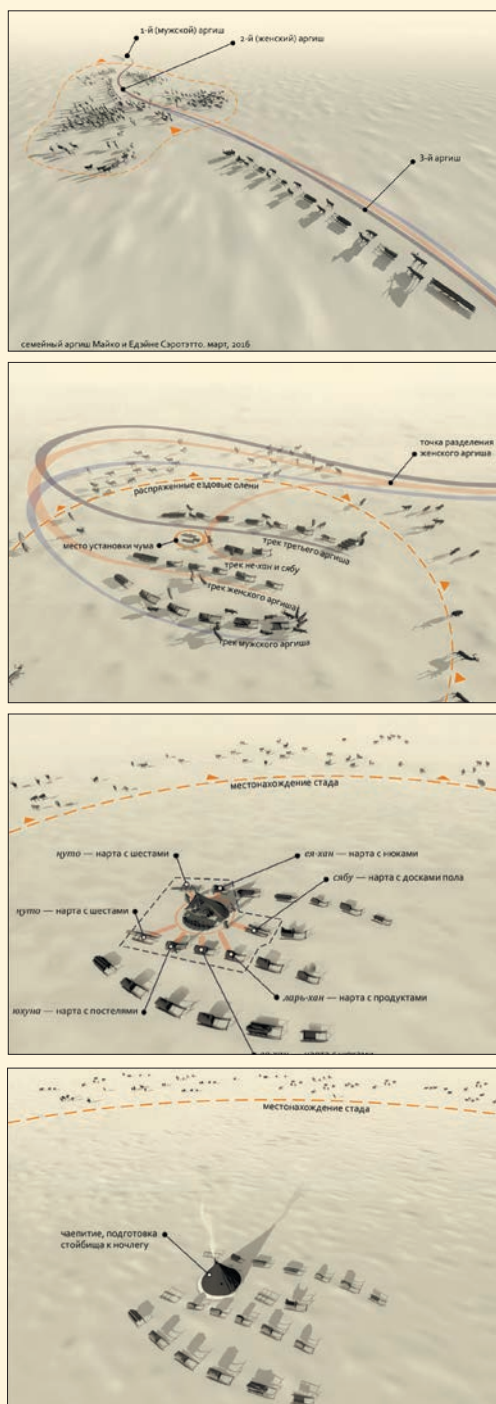

Рис. 9. Перекочевка: движение семейного каравана; заворот каравана на новое стойбище; распаковка нарт, установка чума; отдых на стойбище (вечер)

Каждый «игрок» ведет свой аргиш по хребту Ямала, стремясь опередить соседей и первым занять лучшее пастбище. Однако постоянные ходы на опережение недопустимы, и лидер кочевья на время уступает инициативу соседу, чтобы иметь основания в нужный момент (например, при выходе на отельные пастбища) сделать критически важный опережающий ход. Традиция регламентирует попеременный выход в авангард кочевий разных бригад. В этих кочевых «шахматах» соединены понятия: *табеко* (правило, закон), *тасламбава* (переговоры), *пирдырма* (конкуренция).

Если миграционный ход по хребту Ямала напоминает гонку или шахматную игру, то летний выпас настроен, наоборот, на неспешный отдых: это время нагула стада на весь год, на летних пастбищах растут телята и набирают силу взрослые олени. Судя по записям треков ямальских оленеводов, они выпасают стадо вокруг стойбища на площади радиусом около 5 км, каждый раз отгоняя оленей на новый участок, следующий по солнцу за предыдущим. Пастухи во время своего дежурства направляют стадо на ночь вдаль от стойбища, днем — к стойбищу. Следующий дежурный вновь отгоняет стадо километров на 5–7 от стойбища, но не точно в ту же сторону, куда они ходили прошлой ночью, а правее (по солнцу), причем возвращается стадо тоже не по прежнему следу, а еще чуть правее. Так возникает рисунок выпаса, напоминающий лепестки или кружево. Обычно таких лепестков вокруг стойбища оказывается 3–5, прежде чем стойбище снимется и перейдет на новое место, на расстоянии 7–10 км. Вокруг нового стойбища стадо вновь начинает описывать петли-лепестки, и в этой очередности образуется «кружевной» или «лепестковый» дизайн движения стада (рис. 10).

Главное достоинство этого стиля движения состоит в его экологичности. Стадо, даже крупное, в несколько тысяч голов, при таком вращении не травит пастбище, а сохраняет его по ненецкой пословице *я пуна хаёда* ('земля после нас остается'). Суть этого правила состоит в постоянной динамике — не в численности стада и не в обилии ягеля, а именно в динамичной манере выпаса. Если то же стадо остановится (например, надолго сгрудится вокруг чумов), оно «втопчется и вроеется» в землю. Тогда с тундрой произойдет то, что передается другой ненецкой поговоркой: *яда тахабэй* ('земля перевернута').

Этот «кружевной стиль» создает тот самый эффект движения, который можно считать одним из основных принципов кочевых технологий: остановившееся надолго стадо «выбивает тундру» (заодно извлекая из подтаявшей мерзлоты болезнетворные бактерии), а движущееся проходит легко, будто на воздушной подушке. Не исключено, что отмечаемый ныне экологами рост песчаных обнажений и других экологических повреждений тундры — следствие не только и не столько большого числа оленей, сколько их недостаточно мобильного и искусного вождения.

Рис. 9. Перекочевка (продолжение): подготовка стойбища к кочевью (утро); преобразование стойбища в кочевье; построение каравана; старт кочевья

Рис. 10. Кружевной дизайн выпаса

КОЛЬСКАЯ ВАХТА

XX век на Кольском полуострове начался конкурентным взаимодействием двух оленеводческих культур — полукочевой саамской и кочевой ижемской. На первых порах верх одержал ижемский товарный «тундровый капитализм», однако, как вспоминают старожилы, «за пастухами пришли плотники», которые не только обустроили поселки для людей, но и соорудили изгороди для оленей. Те, кто в Большеземельской тундре кочевал со стадами, в Кольском крае обзавелся домами. Ландшафт Кольского края предлагал свои условия: обилие леса и узкая полоса приморской тундры позволяли не держать оленей круглый год «в руках» (постоянно окарауливать), а отпускать их на полувольный выпас, контролируя и направляя движение стад деревянными изгородями.

До середины XX в. оленеводство в Кольском крае было во многом сходно с ненецко-ижемским в Большеземельской тундре и на Ямале. Территория ловозерского совхоза «Тундра» была разделена на бригадные маршруты-коридоры, тянущиеся с юга на север от гор до морского побережья. Каждая бригада кочевала по своей кочевой дороге (оленьей тропе), из года в год ставя вежи (чумы) в одних и тех же местах. На лето, с июня до сентября, бригадная *райда* (караван) вставала стойбищем на рыбном угодье, обычно в устье впадающей в море реки. Пара пастухов отправлялась пешком или на упряжках караулить стадо, ночуя в легкой палатке-куваксе или просто «на земле под рогожей». Несколько раз за лето пастухи возвращались в чум, сменяясь другой парой караульчиков. Так в кольском оленеводстве сложился бесчумный летний выпас оленей, в котором можно усмотреть саамский элемент в ижемской системе оленеводства.

Саамским элементом считаются и огороды, хотя саамы прежде не делали их большими (Чарнолуский 1972: 259). Коллективизация способствовала строительству длинных огородов для коллективных стад. В первую очередь огораживали места отела, а также осенние пастбища, на которых собирали оленей после летнего нагула. С 1960-х гг. бесчумный выпас постепенно сменился полувольным отпуском оленей — «летом отпустил, осенью собрал», — что связано с огораживанием пастбищ и истреблением на полуострове хищников. К концу 1970-х гг. мобильные чумы (вежи) заместились стационарными избами-базами (промежуточной формой были перевозимые тракторами или оленями вагончики на полозьях), между которыми в течение года переезжали пастухи.

Переход к технологии огородов и вахт вместо кочевий сочетался с «транспортной революцией»: снегоходы и вездеходы пришли на место оленьих упряжек и вьючных ташка-быков. В первую очередь вышли из употребления грузовые нарты, из которых состояли райды (караваны). Олений транспорт использовался уже только для весенне-летнего осмотра стад и, все реже, зимнего выпаса. Еще в 1960-е гг. оленеводы с

семьями большую часть года жили на базах и только к Новому году оказывались в Ловозере, после чего весной возобновляли переезды от базы к базе. В 1990-е гг. снегоходы дали возможность нести пастушескую вахту прямо из села Ловозеро. Наряду с удобствами оседания обозначилась проблема разрыва традиции: как отметил оленевод С. Н. Галкин, «женщин перестали оплачивать в оленеводстве, дети перестали с семьями ездить в тундру, и пастухов не стало». Выражение *райдаэнмунны* (идти райдой, кочевать) вышло из употребления, поскольку райды на Кольском полуострове ушли в историю в 1980-е гг. Зато появились слова «моряки» и «огородники», обозначающие вахтовиков, выезжающих на сбор стада к морю или дежурящих на базах при изгородах.

«Моряками» называют высококлассных пастухов, способных собрать оленей в приморских гористых тундрах. К ноябрю одни «куски» разбредшегося оленьего стада могут дойти до лесотундры, а другие остаться у моря на прибрежных пастбищах. Поиск и своевременный сбор приморских «кусков» связан с риском, и группа «моряков» на снегоходах формируется из четырех-шести опытных оленеводов. Пара пастухов объезжает последовательно приморские ущелья и долины, «подсекая» следы и собирая оставшиеся «куски». Выслеженный «кусок» гонят в ближайший наволок, а затем соединенное «кусок за куском» стадо направляют к коралю, проходя за день 20–30 км.

Выезд к морю — всегда приключение с непредсказуемым итогом. Так, «моряки» могут вернуться, не найдя оленей, если они всем стадом уже сместились к изгороди или ушли в другое крыло. Помимо поиска, рейды к морю имеют представительскую функцию: своим присутствием оленеводы подтверждают права на приморские угодья. Каждый выезд неизбежно сопровождается встречами на береговых турбазах и показательным визитом в поселок Туманный, где живут обслуживающие водохранилище на реке Вороньей гидроэнергетики и откуда исходит угроза браконьерства (Кучинский 2007: 81).

Иную мобильность демонстрируют «огородники», живущие в избах при изгородах. Риск прорыва оленей за огороды столь велик (особенно если в этом участвуют лоси), что рациональнее регулярно осматривать и чинить огороды, чем разыскивать и собирать рассеянные куски. Огородники несут дежурство в избах с августа по октябрь. На упряжках или пешком они совершают ежедневные рейды вдоль изгороди на 10–20 км в разные стороны от избы. На эту вахту обычно ставят семейные пары и пожилых оленеводов. Почерк мобильности «огородников» разительно отличается от треков «моряков», что связано как с используемым транспортом, так и с выполняемой задачей.

Цикл кольского оленеводства делится на весенний отел, летний нагул, осенний сбор, декабрьский кораль, зимовку, а также реализацию товарной продукции. Кораль — узел современного оленеводства, место и

время осмотра, сортировки и утилизации стада. К декабрю левое крыло кооператива «Тундра» направляет оленей к коралю на Полмосе, где ведет просчет, распределяет приплод, выделяет «убойный кусок» и гонит его к Ловозеру, в забойный цех. Остальное стадо направляют к местам зимовки (декабрь–март), в конце которой его вновь подгоняют к коралю, где производят кастрацию быков и отбор стельных важенок в отдельное стадо. В июне проводят «легкий кораль» (*тандара*), где клеймят оленей, после чего отпускают все стадо, за исключением ездовых быков, на выпас в приморские тундры.

В Кольском крае оленеводство — производство, а не образ жизни, как на Чукотке и Ямале. Соответственно, олени представляют собой сырьевые ресурсы, бегающую оленину, предназначенную для переработки, продажи и, частично, личного потребления. Личные олени здесь — не частные стада, а доля (своего рода акция) работника в общем оленеводческом капитале; их процент, по одним данным, не превышает 10, по другим, достигает 20 (Север и Северяне 2012: 262). В этом смысле коми-ижемский тундровый капитализм сохраняется в Кольском крае, несмотря на деформации в эпоху социализма.

Главное оленеводческое предприятие края — сельскохозяйственный производственный кооператив (СХПК) «Тундра» в Ловозере — сочетает черты разных пережитых им форм (колхоза, совхоза, коллективного долевого товарищества), а статус оленеводства в его профиле адекватно передается названием «олeneводческий цех» (наряду с цехом по переработке мяса, молочной фермой и др.). При этом оленец — единственное в кооперативе рентабельное отделение, продукция которого формирует 50–60 % прибыли предприятия и компенсирует убытки других цехов. Возможности сбыта продукции (близость крупных городов, наличие дорог) с дореволюционных времен задали кольскому оленеводству в его ижемском менеджменте ориентацию на рынок, рентабельность и технологические инновации.

Сегодня территория «Тундры» разделена на два крыла — левое (западное) и правое (восточное). В левом крыле состоят три (4-я, 6-я, 7-я) бригады с 15 пастухами и общим стадом около 15 тыс. голов. В правом крыле — четыре (1-я, 2-я, 8-я, 9-я) бригады с 13 пастухами и общим стадом около 10 тыс. голов (9-я бригада пасет свое стадо отдельно). Объединение бригад в крылья для совместного выпаса позволяет обходиться меньшими силами пастухов, снаряжая их поочередно попарно на дежурство согласно циклу перегонки стада в общем пространстве пастбищ и изгородей, а также слаженно проводить совместные коральные работы (рис. 11).

В «Тундре» ответственность за оленепроизводство в значительной мере несет начальник оленцега коми-ижемец Владимир Филиппов. По его словам, поголовье оленей несложно нарастить, но лучше этого не делать по причине убыли пастухов в цехе и во избежание перегрузки пастбищ.

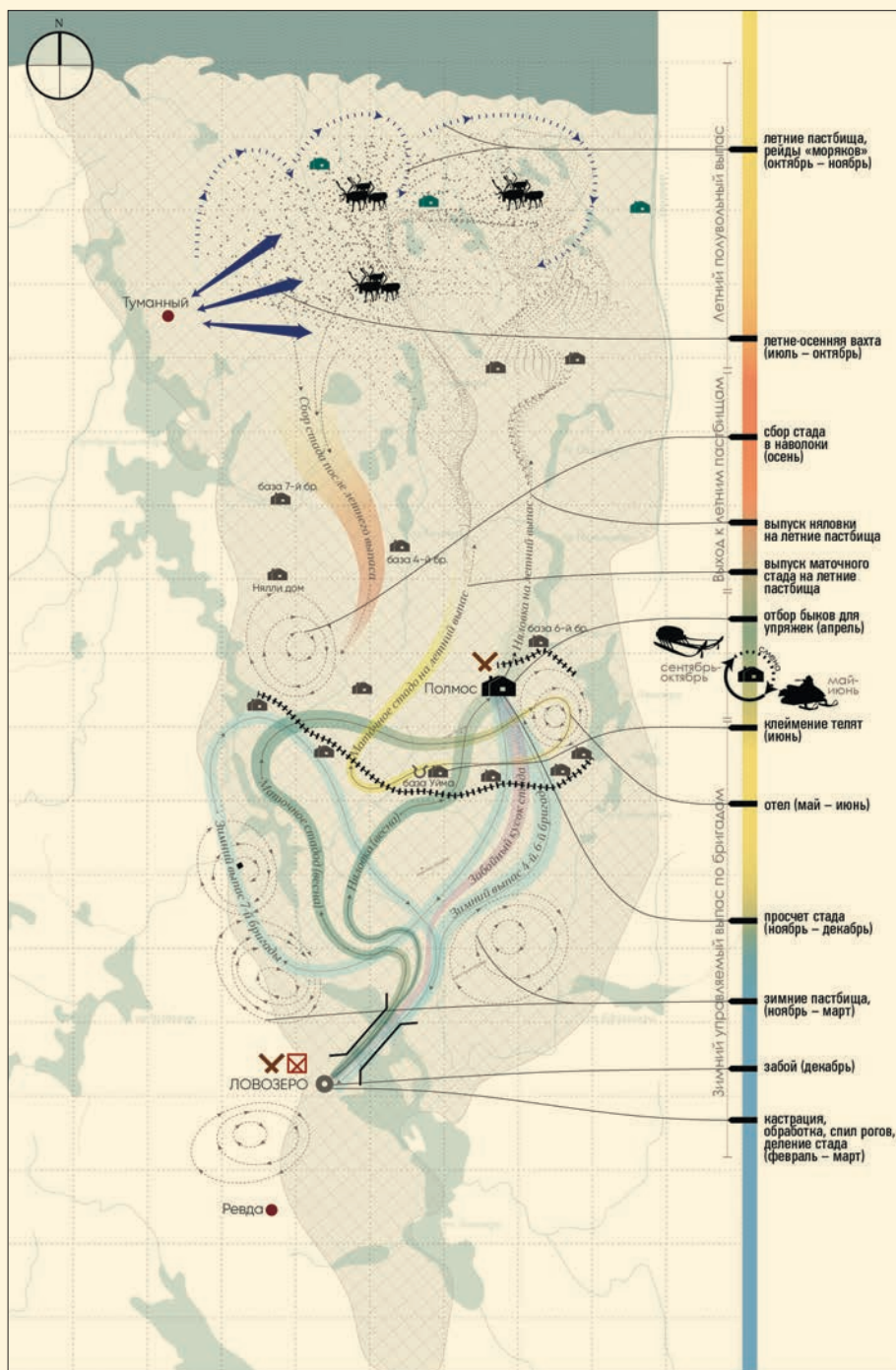

Рис. 11. Схема годового цикла оленеводства левого крыла СХПК «Тундра»

Численность оленеводов в СХПК «Тундра» снизилась с 73 в 1977 г. до 48 в 2014 г. и 38 в 2018 г. (Проект организации территорий оленьих пастбищ СХПК «Тундра» 2008: 9) при одновременном «старении» пастухов и дефиците молодежи (Черняков 1998: 55). Это обстоятельство в числе прочих вынуждает перейти от привычного бригадного выпаса отдельных стад (остаточного кочевания со стадами) к схеме управления движением сборных стад правого и левого крыльев, а в перспективе, возможно, к объединению крыльев для централизованного выпаса всего цехового стада в 25 тыс. голов. Эта реформа, проводимая В. К. Филипповым, преобразует кочевое оленеводство в структурированное оленепроизводство, основанное на снегоходной мобильности вахтовиков-пастухов, единой схеме управления и замкнутой инфраструктуре изгородей и баз. В целом для современного кольского оленеводства может подойти определение посткочевой мобильности.

Территория кольского оленеводства, ограниченная берегом моря и промышленными зонами, напоминает огромный вольер, в котором пасется и перемещается 50-тысячное стадо оленей. Сходство усиливается тем, что пастухи не кочуют со стадами, а перегоняют оленей на снегоходах по маршрутам выпаса среди загородей и наволоков (участков, ограниченных водоемами). Протяженность маршрутов от зимних пастбищ в Ловозерских тундрах (Хибинах) до летних пастбищ у Баренцева моря не превышает 100–150 км; благодаря компактности и удобному рельефу пастбищной территории возможен летний вольный отпуск оленей: как говорят оленеводы, «у нас сам Кольский пасет».

Пастухам, действия которых координируются начальником оленце́ха, остается своевременно перегонять стадо рационально отмеренными кусками к основному коралю в Полмосе, где проводятся работы по подсчету, сортировке, выбраковке, распределению оленей. Так, в конце апреля 2018 г. на базе Полмос собрались оленеводы левого крыла (начальник оленце́ха, ветврач, 12 пастухов, 3 чумработницы) для разделения 12-тысячного стада на маточную часть (стельные важеньки) и няловку (прочие), а также отлова «езжалых» (или «ученых») быков на упряжки (рис. 12).

Утром 28 апреля два снегоходчика, включая начальника оленце́ха, направились на базу Уйма, где стояло окарауливаемое пастухами смешанное стадо, от которого предстояло откалывать куски и гнать в Полмос. Три снегохода и собака, подпирая и чуть сжимая с боков стадо, направили его к воротам в изгороди. Однако, зажатое с трех сторон, стадо остановилось и закружило перед узким входом. Неоднократные попытки подавить его к воротам не принесли успеха, олени вели себя все тревожнее, запрокидывали головы, сбиваясь в беге по кругу. Начальник оленце́ха принял решение перегнать стадо дальше вдоль изгороди, к широкому вездеходному проезду, используемому для подвоза дров к Полмосу. Этот маневр удался, и стадо, обогнув лесистый холм, с разбега устремилось в ворота.

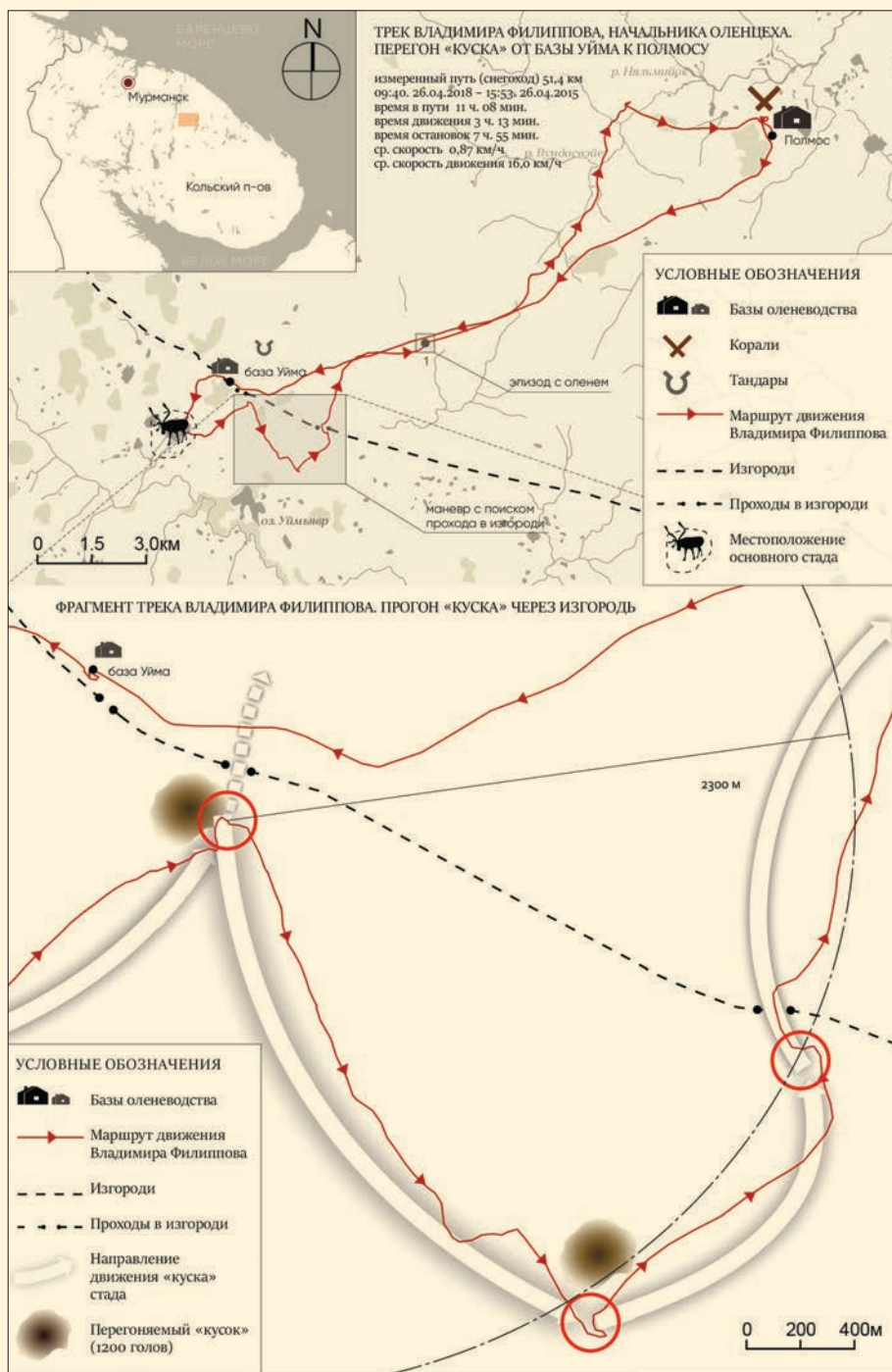

Рис. 12. Перегон стада к коралю

Прогон стада в 20 км до Полмоса шел на скорости около 15 км/час. Вела стадо матерая важенка, за которой вытянулась тысяча оленей: впереди — легкая молодежь, позади — тяжелые быки, пробивающие наст и вязнущие по брюхо. В середине пути стадо еще раз закружило — на этот раз посреди тундры — из-за того, что небольшой его кусок откололся и за ним ринулся один из снегоходчиков, оставив свой фланг подгона пустым. Когда он вернулся, стадо разомкнуло круг и вновь вытянулось в бегущую колонну (рис. 13).

Зачем олени устраивают круговорот? Всем, кто видит это вращение с высоты птичьего полета, оно напоминает магический танец, вроде суфийского зикра. Но у оленей своя «магия»: так стадо останавливает свой бег, когда сталкивается с неизвестностью или опасностью. Кружение — стадный жест замешательства. Вращаясь на месте, оно не сбавляет ход, не ложится, не разбредается, а ждет действия своего вожака, вернее вожжихи — той самой матерой оленухи, которая его ведет. Говорят, старики раньше умели «крутить стадо», используя его вращение вместо коралля, умудряясь отловить в вертящемся круге нужных для упряжки оленей. Кроме того, стадо начинает кружение в жаркое летнее комарное время (особенно в безветрие), спасаясь тем самым от гнуса. Есть и другие поводы вращения, например, болезнь «вертячка», которая доводит оленя до измождения и смерти. Обычно стадо кружит по солнцу, но пастухи говорят, что можно закрутить его и в обратную сторону. Это своего рода дрессура: по словам оленеводов, вращение способствует «осмирнению стада». Олени крутятся, пока не угомонятся от усталости или не найдут выхода в открытое пространство, и тогда круг стада в одно мгновение вытягивается во вьющуюся по тундре пеструю ленту (рис. 14–15).

Перед коралем олени еще раз закружили, затем продолжили кружение в корале, разбившись по воле пастухов на несколько вращающихся групп. В этот момент казалось, что в отделениях коралля вращаются не осколки стада, а живые турбины оленней индустрии.

ПРАКТИЧНОСТЬ НОМАДОЛОГИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Мобильность, включая нomaдизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Арктики. Эта традиция способна породить множество инноваций. Дополнительным стимулом актуализации рассматриваемой тематики оказались недавние потрясения, связанные с глобальным потеплением и сопутствующими эффектами, например, мором оленей на Ямале от «зимних дождей» и гололеда в 2014 г. или вспышкой сибирской язвы жарким летом 2016 г. Сегодня на стыке различных практик и наук (биологии, этнологии, экологии, социологии, права) идут дискуссии и поиски решений относительно оптимизации/реорганизации

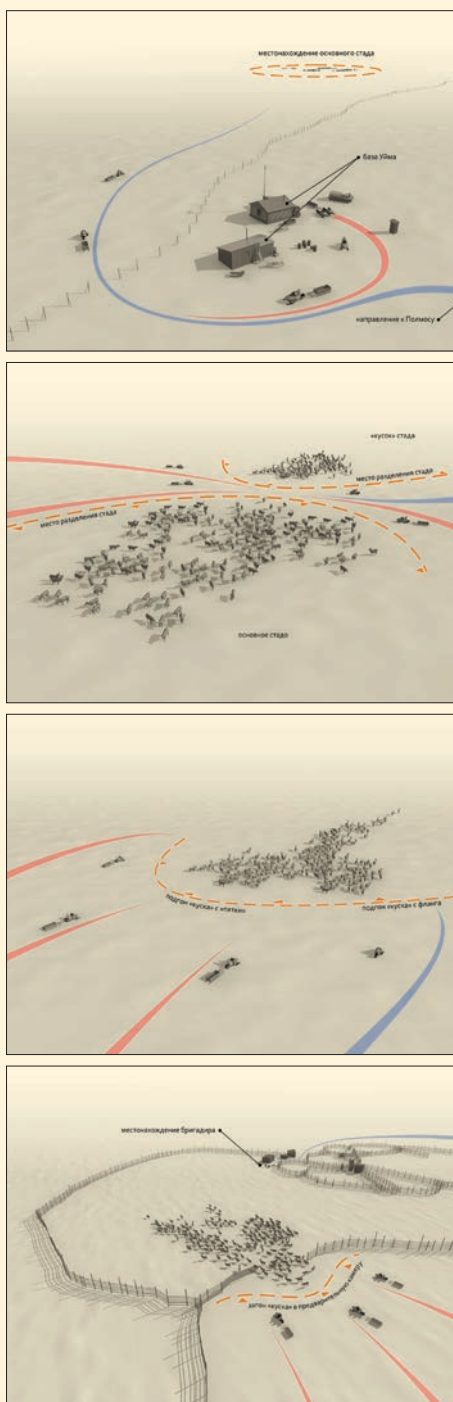

Рис. 13. Перегон стада от базы Уйма к Полмосу: выезд в стадо; отрыв «куска»; движение «куска» по тундре; загон «куска» в кораль

Рис. 14–15. Кораль и кружение

кочевых практик у оленеводов Арктики, возможного сокращения (или перераспределения) поголовья оленей в северных хозяйствах. Между тем изучение маневров кочевников в обстоятельствах кризисов и рисков показывает, что тундровой экосистеме и традиционной этносистеме органична динамика, а не статика. Всякая задержка нарушает общий ритм движения, а стационарные сооружения значительно ранят тундру, чем проходы больших оленьих стад. Иначе говоря, не общая масса стада,

а режим его движения определяет экологическое благополучие тундры (Golovnev 2017).

Северный кочевник, обычно представляемый примитивным пастухом, давно пересел на снегоход и освоил GPS-навигатор. Высокая адаптивность кочевников демонстрирует динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от квадроциклов до гаджетов. По наблюдениям в Скандинавии, самым эффективным средством сбора оленей служит вертолет — «летающая собака-оленегонка», причем его дороговизна вполне окупаема снижением затрат на содержание пастухов (Beach 2013: 94–95). Не исключено, что компактные вертолеты и дроны-беспилотники могут пополнить арсенал оленеводства, особенно в критических его эпизодах — осеннего сбора стад после летнего вольного отпуска, поиска оленей после тумана и др. Кстати, упомянутые в статье коренные северяне, участвовавшие в проведении наших исследований, именно под таким углом зрения наблюдали за работой съемочных дронов, отмечая их способность «пасти» оленей и расспрашивая о ресурсах батарей и дальности управляемого полета. Судя по всему, использование беспилотников в оленеводстве — почти реальность.

Помимо частных прикладных наблюдений, антропология движения в Арктике дает целый спектр концептуальных проекций, к числу которых относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, техноанимация, эффект движения, вещный минимализм, мобильный модуль, северная эстетика (Головнёв 2017). Из трех рассмотренных традиций оленеводства и номадизма самой прочной следует признать ямальскую (ненецкую), сохраняющую алгоритм совместного движения людей и оленей, ритмичной работы «трансформера», реализации принципа техноанимации и др. Чукотский опыт открывает матрицу трехуровневой мобильности (пешая, оленная и авто-авиа «орбиты») с целым рядом критических ситуаций и рисков. Кольская картина транспортно-технологической «смеси» и замены традиционного оленеводства промышленным производством оленины представляет собой не столько номадизм, сколько механизм (вахт, загонов, забоев и т. д.) посткочевой мобильности.

Избегая оценочности в параметрах прогресса и регресса, отмечу высокий потенциал традиции кочевания, в том числе в перспективе ее технологического обновления. В противовес стереотипу о противоборстве традиций и новаций, кочевники Арктики — чукчи, ненцы, саамы и коми-ижемцы — демонстрируют варианты креативного сочетания традиций и инноваций. Достигается это не за счет их сращивания или сплющивания, а путем динамичной связи того, что плохо сочетается в статике. Природа Арктики и кочевой мир настоятельно рекомендуют современной цивилизации учиться гибкости и маневренности, например, основывать свои стратегии на автономных мобильных модулях (каковыми являются кочевья), принципах трансформности и других технологиях номадизма.

Искусство движения в исполнении кочевников Арктики состоит в многообразии динамичной трансформности кочевья—стойбища, пути—паузы, пастухов—стада (Ямал), трехуровневой матрице мобильности в тундре риска (Чукотка), управлении механизмом оленепроизводства средствами посткочевых технологий (Кольская тундра).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головнёв).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
- Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934.
- Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- Головнёв А. В.* К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94–108.
- Головнёв А. В.* Ненцы: оленеводы и охотники // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 80–90.
- Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Головнёв А. В.* Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 133–138.
- Головнёв А. В.* Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 4. С. 131–140.
- Головнёв А. В.* Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.
- Головнёв А. В.* Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 6–15.
- Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург, 2014.
- Головнёв А. В., Первалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г.* Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург, 2015.
- Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А.* Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург, 2016.
- Грей П. А.* Современное состояние оленеводства на Чукотке // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 44–56.
- Кучинский М. Г.* Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. М., 2007. Вып. 33. С. 58–89.
- Мироненко О.* Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. 2000. № 1. URL: http://academnet.neisri.ru/academnet/infocentr/f_f/oleni/1-2000/5.html (дата обращения: 01.11.2018).

Михайлова Е. А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб., 2015.

Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. М., 2014.

Проект организации территорий оленьих пастбищ СХПК «Тундра» Ловозерского района Мурманской области / ОАО «Мурманское землеустроительное предприятие». Мурманск, 2008. Архив СХПК «Тундра».

Север и Северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 2012.

Старшая Эдда. Пер. А. И. Корсуна. Ред., вступ. статья и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1963.

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. М., 1972.

Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi, 1998.

Beach H. The Devitalization and Revitalization of Sámi Dwellings in Sweden // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North. New York; Oxford, 2013. P. 80–102.

Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Mineapolis, London, 1987.

Golovnev A. Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities // Arctic Anthropology. 2017. Vol. 54. № 2. P. 40–51.

Golovnev A. V. Peoples and Borders of the Russian North. In: Special Issue on the North // Scandinavian-Canadian Studies. 2000–2001. Vol. 13. P. 22–34.

Ingold T. Being Alive. Essays on movement, knowledge and description. London; New York, 2011.

Leed E. J. The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism. New York, 1991.

Vaté V. Dwelling and the Landscape among the Reindeer Herding Chukchis of Chukotka // Landscape and Culture in Northern Eurasia. Walnut Creek, California, 2011. P. 135–160.

ARCTIC NOMADS: THE ART OF MOVEMENT

ABSTRACT. Nomadism is not a thing of the past, it is a living culture with its own present and future, which does not seem to die out but rather transforms its appearance. For this reason one should study it not as a fading tradition but as a school of mobility teaching us how to move and how to adapt. Such a study would previously be difficult not only because nomadism was associated with barbarity, but also due to the lack of means for its documentation. The visual and virtual revolution brought along new instruments of data recording and analysis. The author's method of anthropology or ethnography of movement, named TMA (tracking–mapping–acting), suggests the documentation of motion by means of cartography and GPS-monitoring combined with visual tracking. Our research on Arctic nomadism is based on the studies of Chukchi, Nenets and Izhma Komi nomadic traditions as represented in the regions of Chukotka, Yamal and the Kola Peninsula, where fieldwork was carried out in 2013–2018.

The three Eurasian Arctic areas appear to have equal reindeer herding potentials, as the populations of reindeers in Chukotka, Yamal and Fennoscandia (which includes Scandinavian and Kola tundras) hover around half a million heads. The mobility patterns of the three nomadic communities vary against the landscape, the proximity to seashores, mountains and forests, as well as to sedentary groups, administrative centers and industrial facilities. Of the three reindeer herding nomadic traditions under discussion the Yamal (Nenets) one appears to be the most stable, since it retains the algorithms of joint movement of people and animals, rhythmical functioning of the “transformer”, implementation of the principle of technical animation, etc. The Chukotka case represents a matrix of three-level mobility (pedestrian, reindeer and motor/air “trajectories”) which comes with a number of critical situations and risks. As for the Kola pattern with its transportation and technological “blend” and the substitution of traditional reindeer breeding by the industrial production of reindeer meat, it seems to be not as much a form of nomadism as a mechanism (for watching, rounding up and butchering animals). The art of movement performed by the Arctic nomads consists in the diversity of the dynamic transformability of roaming and camping, going and staying, shepherds and herds (in Yamal), as well as in the three-level mobility matrix in the setting of constant risk (in Chukotka) and the management of reindeer production by the means of post-nomadic technologies (in Kola tundra).

KEYWORDS: anthropology of movement, nomadism, reindeer herding, Arctic, Nenets, Chukchi, Sami, Izhma Komi

Andrei V. GOLOVNEV — Member of the RAS, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

REFERENCES

Beach H. The Devitalization and Revitalization of Sámi Dwellings in Sweden. *About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North*. New York; Oxford: Berghahn, 2013, pp. 80–102. (in English).

Bogoraz V. G. *Materialnaya kultura chukchey* [The Material Culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 224 p. (in Russ.).

Bogoraz V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Leningrad: Izdatelstvo Instituta narodov Severa TsIK SSSR Publ., 1934, part 1, 192 p. (in Russ.).

Charnoluskiy V. V. *V krayu letuchego kamnya* [At the Edge of the Flying Stone]. Moscow: Mysl' Publ., 1972, 300 p. (in Russ.).

Chernyakov Z. Ye. *Ocherki etnografii saamov* [Essays on Sami Ethnography]. Rovaniemi: Lapland Univ. Publ., 1998, 126 p. (in Russ.).

Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Mineapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1987, 612 p. (in English).

Golovnev A. V. [To the History of Nenets Reindeer Husbandry]. *Kulturnye i khozyaystvennye traditsii narodov Zapadnoy Sibiri* [Cultural and Economic Traditions of the Peoples of Western Siberia]. Novosibirsk: HGPI Publ., 1989, pp. 94–108. (in Russ.).

Golovnev A. V. [Nenets: Reindeer-Breeders and Hunters]. *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: Rights and Opportunities]. Novosibirsk: SB of the RAS, 1997, pp. 80–90. (in Russ.).

Golovnev A. V. Peoples and Borders of the Russian North. In: Special Issue on the North. *Scandinavian-Canadian Studies*, 2000–2001, vol. 13, pp. 22–34. (in English).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrB of the RAS, “Volot” Publ., 2009, 497 p. (in Russ.).

Golovnev A. V. [Migration, Travel, and Neo-Nomadism]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 4 (45), pp. 121–126. (in Russ.).

Golovnev A. V. [The Arctic Nomads: Strategies of Mobility]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2016, vol. 44, no. 4, pp. 131–140. (in Russ.).

Golovnev A. Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities. *Arctic Anthropology*, 2017, vol. 54, no. 2, pp. 40–51. (in English).

Golovnev A. V. [Arctic Ethnodesign]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 2 (55), pp. 6–15. (in Russ.).

Golovnev A. V. [Conceptualisation of Mobility in Anthropology and Ethnography]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 3 (60), pp. 6–15. (in Russ.).

Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochevya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethno-Expertise on Yamal: Nenets Routs and Gas Fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014, 232 p. (in Russ.).

Golovnev A. V., Perevalova E. V., Abramov I. V., Kukanov D. A., Rogova A. S., Usenyuk S. G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizualnye miniatyury* [Arctic Nomads: Narrative-Visual Miniatures]. Ekaterinburg: “Alfaprint” Publ., 2015, 132 p. (in Russ.).

Golovnev A. V., Garin N. P., Kukanov D. A. *Olenevody Yamala (materialy k Atlasu kochevykh tekhnologiy)* [Reindeer Herders of Yamal (Research Materials for the Atlas of Nomadic Technologies)]. Ekaterinburg: UrB of the RAS, 2016, 152 p. (in Russ.).

Grey P. A. [The Current State of Reindeer Breeding in Chukotka] *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2016, no. 2, pp. 44–56. (in Russ.).

Ingold T. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011, 270 p. (in English).

Kuchinskiy M. G. [The Rhetoric of Traditionalism and Environmental Realities]. *Rasy i narody* [Races and Nations]. Moscow: Nauka Publ., 2007, iss. 33, pp. 58–89. (in Russ.).

Leed E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism*. New York: Basic Books, 1991, 316 p. (in English).

Mikhaylova Ye. A. *Skitaniya Varvary Kuznetsovoy. Chukotskaya ekspeditsiya Varvary Grigorevny Kuznetsovoy. 1948–1951 gg.* [The Wanderings of Varvara Kuznetsova. Chukotka Expedition of Varvara Kuznetsova. 1948–1951]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2015, 190 p. (in Russ.).

Mironenko O. [Ways to Optimize the Land Use System and Land Management of Reindeer Herding]. *Novosti olenevodstva* [Reindeer News], 2000, no. 1. Available at: http://academnet.neisri.ru/academnet/infocentr/f_f/oleni/1-2000/5.html (accessed: 01.11.2018). (in Russ.).

Pervonachalnoe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyakh menyayushcheysya prirodnoy sredy: atlas-monografiya [Initial Human Colonization of Arctic in Changing Paleoenvironments: Atlas-monograph]. Moscow: GEOS Publ., 2014, 519 p. (in Russ.).

Sever i Severyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Kraynego Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka [North and Northerners. The Current Situation of the Indigenous Peoples of the Far North, Siberia and the Far East]. Moscow: Instit. of Ethnology and Anthropology of the RAS Publ., 2012, 204 p. (in Russ.).

Urry J. *Mobilnosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis Publ., 2012, 576 p. (in Russ.).

Vaté V. Dwelling and the Landscape among the Reindeer Herding Chukchis of Chukotka. *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Walnut Creek, California: Left Coast Press, 2011, pp. 135–160. (in English).